

Сергей Сергеевич Терминов

Сахалинский ноктюрн

Рассказы

Сергей Сергеевич Перминов

Сахалинский

ноктюрн. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35736943

ISBN 9785449317148

Аннотация

В книге – воспоминания о тех, с кем когда-то работал и жил на этой, фантастической для меня, «планете» Сахалин. Кто-то из них уже ушёл в Запределье, кто-то ещё нет. Но все они на этих страницах ещё молоды. Это память о них. На мой взгляд – заслуженная.

Содержание

PART ONE (реал)	6
«ПЯТЬСОТ ВЕСЁЛЫЙ»	20
ЗВЕРЬЁ	34
МУХА	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сахалинский ноктюрн

Рассказы

Сергей Сергеевич
Перминов

© Сергей Сергеевич Перминов, 2018

ISBN 978-5-4493-1714-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей
Перминов

САХАЛИНСКИЙ
НОКТЮРН

PART ONE (реал)

ДУЭ.

Когда Лаперуз проплывал мимо чёрного мыса, где позже светил морякам маяк «Жонкьер», он воскликнул обращаясь к спутнику:

– Мичман де ла Жонкьер, вот мыс вашего имени...

В 1852 году на Сахалине побывал лейтенант Н. К. Бошняк и обнаружил несколько выходов угля.

В 1857 году был заложен на Сахалине первый пост – Дуэ, началась добыча каменного угля для нужд русского флота.

В 1869 году с кораблей сошли на берег первые каторжане, и, если верить очевидцам, многие из них горько плакали, увидев куда они попали. Но вместе с каторжанами заливались слезами и конвойные солдаты, их охранявшие...

И если раньше в народе с ужасом произносили слова Шилка, Акатуй, Нерчинск, Якутка, так теперь на Сахалине с содроганием говорили – Дуэ, Арково, Онор, Дербинка – это названия тюрем, вокруг которых быстро разрастались людские селения.

Россия и народ русский боялись Сахалина, как чумы, и осужденные на каторгу Сахалина часто калечили себя – только бы избавиться от ссылки. В ту пору даже смертная казнь казалась более легким наказанием...

В 1881 году, недалеко от рудников Дуэ, вырос и сформиро-

вался административный центр острова – Александровск, который местные остряки прозвали «Сахалинским Парижем»...

Это цитаты из книги Пикуля «Каторга». Цитировать Чехова из его книги я не буду. Там картины ещё страшней. Хотя прочитал и её. От корки до корки. Что поделать, они видели остров таким. Мой остров другой. Вроде тот же, вроде так же и называется... Только всё зависит от того, с какой точки на него посмотреть. Да ещё и оттого кто смотрит. От человека тоже много зависит, знаете ли. Я про свой остров расскажу. И ещё о тех, с кем мне пришлось там жить и работать бок о бок. Расскажу о тех, кого, через столько лет, сохранила моя память. Итак...

Солнцем по маковку залитая улица. Стою на перекрёстке с изумлением открыв рот. Она идёт и улыбается. Белые туфли, белое платье, большие кольца серёжек, большие пряжки на туфлях, цепочка и замочек на белой, в тон, сумочке... Не знаю, было ли это настоящее золото или его имитация, но всё смотрелось потрясающе эффектно! И, что ещё поразило, так это тишина.

Нет! «Сахалинский Париж» не спал. Как же он мог спать в три часа дня? Работал порт, рыбокомбинат, другие предприятия, но здесь, в центре, стояла относительная тишина. После материковской людской суеты, зашкаливающих деци-

бел больших и малых городов это удивляло. Все были заняты делом. И никто никуда не спешил. Вот таким был мой первый сахалинский, не казарменный, день. Солнечным и ярким. Таким и запомнился навсегда.

Я ворвался в этот мир 13 января 1948 года в Москве. Десяток лет прожил на Урале. Но позже, влюбившись в остров, определил для себя две главные вехи – столица и Сахалин. Всё остальное между ними – жизнь. Жизнь, в которой были взлёты и падения, дружба и предательство, любовь и измены. Всё было, чего уж там! Но до сих пор тот, уже далёкий, яркий, солнечный сахалинский день определяет моё отношение к острову. И остался ярким кадром на цветной киноплёнке моей памяти.

Собственно, этим днём я с водителем и двумя парнями-шахтёрами, данными мне в помощники, приехали в Александровский порт за контейнером, в котором были наши со Светланой небольшие, совместно нажитые к тому времени, пожитки.

– Ты вот что, дружище! – сказал мне один из них. – Сходи-ка в магазин, возьми «черпачок» и что-нибудь перекусить. А то давно уже за обед, а мы голодные. Контейнер и без тебя погрузим.

– Да не вопрос!

Магазин был недалеко, но и не совсем близко. Когда я вернулся, то мой груз уже увязали в кузове.

– Порядок, хозяин! Можно и перехватить чего.

– Не знаю, что вы любите. Взял на свой вкус.

– Да нормально! Сыр, колбаса, хлеб, эссенуки... Подойдёт! Садимся, мужики!

Устроились на досках причала и водительский стакан пошёл по кругу. Приложился один шахтёр, второй, и потом я.

– А мне? – спросил водитель.

Я, чётко помнивший ещё с материка правила поведения шоферов, удивился:

– Так ты ж за рулём!

– А и правда! – сокрушённо сказал водитель. Вылез из кабины, сел на подножку, подмигнул и сказал утвердительно: – Теперь можно!

Все хохотнули. Но я, изумлённый, всё же спросил:

– А милиция?

– Друг мой, здесь её практически нет!

После скромного обеда рулим по горному серпантину в посёлок Дуэ. Тот знаменитый посёлок, где когда-то была первая сахалинская каторга. Светлане после техникума дали направление туда. На шахту Макарьевка. Откуда ж ей было знать, что между Южно-Сахалинском и Александровском солидное расстояние? Просто она хотела быть рядом, а по карте так оно и виделось. На целых четыре года Дуэ стал нашей постоянной точкой на карте Сахалина. Дело в том, что я служил в армии под Южно-Сахалинском. И когда она посмотрела на карту, ей наверное и показалось, что Алексан-

дровск недалеко. А двенадцать километров до Дуэ – вообще не расстояние.

Откуда взялось это название посёлка? Поначалу этим вопросом не задавался. Других забот у нас со Светланой было по брови. Их приходилось решать по ходу пьесы, так как опыта семейной жизни не было абсолютно. Но от старожилов ходила легенда, что там потерпел, когда-то давным-давно, крушение французский фрегат или корвет. Всё же листнул я однажды атлас и нашёл во Франции департамент Дуэ. Поэтому, наверное, их корабль так и назывался. А те моряки, что спаслись, где-то недалеко в сопках от теперешнего посёлка, которого в то время, естественно, не было, жили в землянках. Видимо надеялись на то, что их найдут и спасут. По логике верно. Ведь знали же те, кто их отправлял, куда лежал курс парусника. Но их, утверждает легенда, не нашли. Может искали не там, не в той бухте. Кто его знает! Так они и умерли там. Один за другим. Всё? Легенда завершена? А вот и нет! Она имела продолжение. Говорят, один старый айн до конца своих дней ухаживал за могилами французов. И только, когда умер сам, тайга поглотила их печальные холмики. Правдива эта легенда или нет не мне судить. Может изначально она была другой. Но такой услышал её я. И был потрясён её мрачной красотью.

Те времена уже давно канули в Лету. Но ведь не могло же

это историческое легендарное место жить только прошлыми легендами? Как бы не так! Этот шахтёрский посёлок просто был обречён натягивать их на себя. Местные жители и не думали тогда, что их бытие с годами само превратиться в легенды.

Начнём с того, что до сорок восьмого года прошлого века на шахте Макарьевка, что стояла почти на берегу Татарского пролива, была японская концессия. Пусть шахта и была «мелкокалиберной», всего семьсот тонн угля в сутки, но уголь был такого качества, который японцы не считали зазорным добывать. А поскольку у берега было мелко, то метров на полтора-два в пролив выходил пирс. И уголь подавался из бункера на конвейер, и уже с него, попадал на плоскодонные плашкоуты. Потом в трюмы сухогрузов стоявших на рейде.

Был ещё и третий участок. Высоко в сопках над уровнем моря. Туда вела канатная дорога. Уголь спускали к бункеру в грузовых, будем так их называть, вагонках. Смену тоже производили в них. Только оборудованных для людей. Вот так – дёшево и сердито. Придумают же эти буржуины!

В шестьдесят восьмом году этой канатки уже не было. Её порезали на металлолом. А на участок пробили бульдозерами ленту серпантина. И уголёк вниз возили «КАМАЗами». Вот была дорога, доложу вам! С одной стороны скальная стена, с другой обрыв. Метров так двадцать пять-тридцать. И, как на ладожской «дороге жизни» во время ленинградской

блокады, в дождливую погоду водители работали с открытыми дверцами. Слава богу, в мою бытность там ни один «КАМАЗ» туда не рухнул.

Руководство на шахте было сплошь японское: горные мастера, маркшейдеры, десятники вентиляции, механики, инженеры, директор. Только рядовые шахтёры были русскими. И оплата им производилась не деньгами. По главной улице Дуэ, что шла по распадку через весь посёлок, от самого шахтоуправления проложили шахтную узкоколейку. И старики нам рассказывали, что в день получки вагонки нагружали продуктами и наши ребята вручную толкали вагонки до дома. Эта транспортная единица вмещала в себя четыреста килограмм угля. Соответственно почти столько же нагружалось продуктов. Честно признаться – забыл на сколько человек грузилась в неё японская «зарплата». Подозревать стариков во вранье не имею права. Зачем им было врать?

А денежками платили наши. Типа премии. Но втихаря. Премировали вот за что: если по недосмотру японцев последним в забое оставался хотя бы один русский, то следующую смену забой приходилось расчищать снова. Последний шахтёр, уходя из него, выбивал крайние стойки и забой заваливало. Это была борьба с японским империализмом. Поэтому последним из забоя обязательно выходил японец.

Вот ещё одна легенда Дуэ: года за два, как мы обосновались в посёлке, умер Тит Титыч. Он мальцом поступил на шахту ещё при японцах. И работником был знамени-

тейшим. Его труд и при советской власти оценили по достоинству. На пенсию он ушёл с двумя орденами Ленина на лацкане праздничного пиджака. Согласитесь – это не мало! И по работе он был уже легендарен, но людская молва ещё одну легенду рассказала про Титыча.

В те далёкие советские времена много денег просто-му, пусть даже и знаменитому, шахтёру иметь не полагалось. Но у него, дважды орденосца, они были. Сколько? Об этом – по умолчанию. Но, если по каким-нибудь причинам в банке был сбой с наличностью, шахтное начальство на аванс для собратьев по труду, с отдачей разумеется, у него брало. На получку их не хватило бы, а вот на аванс – пожалуйста. И вот с ним случилось то, что случается с нами всегда, когда мы подходим к последнему рубежу своей жизни – Титыч слёг. Думали уже и не встанет. Всю жизнь проработать под землёй без последствий не получается. Почти у всех. Родственники решили – это последний час. Он ещё дышал, но был без сознания. И начались у печального одра жаркие словесные баталии про делёж его финансов. Кому большая часть принадлежит, кому меньшая. Да так громко делили наследство, что он... очнулся! Открыл глаза и тихим голосом потребовал юриста, составить завещание. Отправил всех в другую комнату, оставшись с юристом тет-а-тет. И составил.

И расписался.

И взвыла родня!

Все деньги он завещал детскому дому. Вот вам и ещё одна легенда посёлка Дуэ, Сахалинской области Александровского района.

Сахалин и сам легендарен. Исторически, географически... да как угодно! Во-первых, он на карте лежит, как огромная рыба. Приглядитесь: от полуострова Шмидта до мыса Крильон, если захотите прогуляться, вам придётся пройти через семь климатических зон. От тундры до субтропиков.

Но давайте вернёмся в Дуэ, где со временем легендами становились не только деяния жителей, а даже фразы. Одна из них ходила среди нас. И мы со смехом употребляли её тогда, когда спор по какому-нибудь поводу или вопросу, заходил в тупик. Свидетельствую – она родилась при мне.

В тот исторический день я был дежурным на людском уклоне и в насосной зумпфа. У нас, в отделе главного механика, подземным электрослесарям это вменялось по графику. Для непосвящённых: вверху, в сопках, стояла мощная лебёдка. С огромного барабана, на толстом железном тросе по рельсам наклонного штрека спускался специальный людской вагончик. Я, как дежурный, обязан был в свою смену следить за его исправностью, поднимать на-гора или доставлять шахтёров на отметку минус восемьдесят, подавая звонком сигнал девчонкам-машинисткам на лебёдке. А если по связи не было звонков на подъём или спуск, то следил

за автоматической откачкой воды из зумпфа. Зумпф, или по-нашему «помойка», это самая нижняя точка шахты, куда собиралась внутришахтная вода.

Сижу на приёмной площадке уклона, жду. Позвонили слесари, что закончили работу и будут подниматься. Через несколько минут бригада подошла.

– Едем? – спрашиваю.

– Пока нет. Десятник вентиляции просил подождать. Встретили его по дороге. Последние замеры делает.

Пока ждали, слово-за-слово начались дебаты на живо-трепещущую тему – надо ли заставляя детей учиться после школы или нет. Как всегда, мнения разделились. И тут, непроизвольно поставив точку в споре, Коля Сотников и выдал ту свою знаменитую фразу, от которой мы чуть не лопнули от смеха! Звучала она так: «Человеку до хрена знать не надо. Когда человек знает до хрена он начинает бродить в странной гуманности». Теперь понятно почему этот «шедевр» надолго поселился в народе?

Казалось бы, что здесь особенного? Это же всё было в жизни. Пусть давным-давно, но было. Но прошёл не один десяток лет и то, что раньше воспринималось как смешной случай или просто хохма, в памяти уже воспринимается с налётом легендарности. Может быть, благодаря этому, мой первый сахалинский посёлок, первая моя более-менее постоянная точка на острове, кроме казармы, пусть только для меня хотя бы, стал давнишней светлой легендой. Повто-

рюсь – с какой точки смотреть на события.

Даже вещи и те вспоминаются по-иному. Хозяева идут прицепом. Пример? Да пожалуйста! Мотоцикл ИЖ-49. Фара была, но не работала. Он не бибикал, гремел как ведро с болтами, имел только первую и четвёртую скорость и, соответственно, без тормозов. Кто будет рулить на этом пепе-лаце? Ой, да навряд ли кто! Но горный мастер Юрка Бегиль отважно на нём рассекал. Но только днём. Фара-то не фурычит. А отсутствие сигнала заменяло махание рукой людям и крики «кыш» и «атас».

И отсутствие тормозов для Бегилия не имело никакого значения абсолютно. К точке остановки он приходил с выключенным мотором. Притормаживая «лаптем». Или находил стенку ближайшего строения. Шахтоуправления допустим. Это какой же нужен был точный расчёт для таких манипуляций! Космонавты нервно курят в сторонке. Но однажды глазомер дал сбой. И пришлось «ковбою» немного побюллетенить. Слава богу, всё прошло в лёгкой форме.

А что стоила объяснительная Антона Шелуха? Её специально повесили в раскомандировке, чтобы народ спускающийся в забой приступал к работе в хорошем настроении. Дело было так: Антон должен был дежурить в «помойке», в зумпфе то есть, седьмого ноября, в День Великой Октябрьской Социалистической Революции. Автоматика-то автоматикой, но присутствие человека было обязательным. А вдруг какой сбой? Тогда мощные насосы-трёхтысячники надо бы-

ло запускать вручную. Да и вообще, мало ли что! Но в тот день человек, стоявший там на вахте, Антона не дождался. И позвонил по команде:

– А что, меня сегодня менять не будут? Или причина какая? Предупреждать же надо. Тогда моей сообщите, чтобы хоть бутербродов прислала с кем-нибудь. Так и с голоду умереть можно.

– Стоп! – удивился дежурный по смене. – А разве Антон тебя не сменил?

– Тот самый случай! Уже два часа лишних стою. Нет Антона.

Дежурный послал человека найти Антона. Тот побежал и нашёл. Лежал он, любезный, в обнимку со своей гармошкой в одном из дворов на крышке угольного ларя. И мирно сопел, пьяно улыбаясь во сне. Нашли другого шахтёра. Меня то есть. И, поскольку я только ещё готовился праздновать, направили в шахту. Одно утешение, что праздничные оплачиваются вдвойне. А после праздника Антона заставили писать объяснительную. Дабы знать причину его невыхода на работу. Вот этот исторический документ. Буква в букву: «Я, Антон Шелуха, не вышел на помойку в седьмого ноября по очень уважительной причине. Так как играл на гармошке. Веселил рабочий люд!»

Через двадцать с копейками лет, живя уже в Приморье, в рамках фестиваля авторской песни, который ежегодно про-

водится в «Сахалинском Париже», Александровске то есть, я снова побывал в тех краях. И стало грустно. Нет, я конечно понимаю, что всё течёт, всё изменяется, вырабатываются угольные поля и шахта закрывается. Это аксиома. Грустно стало ещё и потому, что от полного жизнью посёлка остались только мои воспоминания.

Шикарная школа-десятилетка стала лагерем для неполноценных детей. Эстакада, что вела на главную штольню и где был участок внутришахтного транспорта, была пуста. Да и саму штольню замуровали. Клуб зиял выбитыми дверями и пустыми глазницами окон. Остовы каменных домов ещё стояли, а сборно-щитовые развалились. А как иначе, если люди, душа любого жилища, ушли? Правда несколько кирпичных, что возле бывшего шахтоуправления были обитаемы. Автобус из Александровска ещё ходил пока.

Вышел на берег Татарского пролива, где в былые времена мы купались и загорали летом, а зимой ловили навагу. Пирс, столько видевший на своём веку, был разбит штормами. Осталось только несколько ряжей. А сам он был похож на мёртвого динозавра рухнувшего в солёную морскую воду. Всё остальное было на месте: песчаный берег, сопки за спиной, гроты слева в каменном берегу... Справа выбежавший в пролив мыс с маяком «Жонкьер», названным в честь французского мичмана. И на вечной вахте перед Александровским портом скалы «Три брата», символ острова. А над головой крики чаек в сером, давящем на душу, пасмурном небе.

Это увидел я много лет спустя. А что сейчас в посёлке Дуэ я не знаю. Но твёрдо знаю одно – дважды в одну и ту же воду не входят.

«ПЯТЬСОТ ВЕСЁЛЫЙ»

У меня в соседях, в Артёме, жил когда-то молодой лейтенант Слава Кудрявцев. Развитой был парень. В звукоаппаратуре разбирался конкретно. Рисовал замечательно. Соображал в современной, по тем временам, музыке. Может кому-то другому ничего не говорили такие имена как Фрэнк Синатра, Джон Пол Джонс, Ежи Кшечиньский, но мы с ним в своих разговорах свободно ими оперировали. Ему, как и мне, они говорили о многом. Меломанами мы были с ним. В те, семидесятые, этим болели все, кто был не старше сорока.

Даже форма на Славке сидела с каким-то особым шиком. Симпатия! Я всё удивлялся – на какую тему ни заведи разговор, о предмете диалога он знал если не всё, то много. Видимо был из тех, кого называли «золотой молодёжью». Как он в армию попал – уму непостижимо! Тем более, что папа его состоял какой-то крупной партийной шишкой в Киеве. Мы подолгу зачитывались красочными журналами «Америка». Причём на русском языке. Присылал их папа. И вот однажды в номере, посвящённом Аляске, прочитали, что там ходит самый медленный поезд в мире. Со скоростью пятнадцать километров в час. То есть, американцы продуманно пустили такой. Мало ли: геологи выйдут к полотну «железки», олениводы, рыбаки, охотники... Моему возмущению не было пре-

дела.

– Это нонсенс! Врут штатовцы, как сивые мерины.

Уж я-то точно знал, что самый медленный в мире поезд – это «Оха—Ноглики»! Его бешеная скорость достигала семи километров в час! На форсаже выдавал пятнадцать. Но в отличие от продвинутых америкосов он не мог физически выдать больше. Технические возможности «Сахалинлага» не тянули на масштабность и эпохальность темпов строительства сталинской индустрии. А посему и пятнадцать километров для этого суперэкспресса были космической скоростью. Если ты садился в три ночи на это чудо, то к семи вечера или чуть позже Оха раскрывала тебе объятия. Мы спокойно выпивали, играли в карты, высыпались, похмелялись и счастливые сходили на охинский перрон.

Через четыре года я снова попал на свою нефтеразведку, хотя божился, что больше никогда не вернусь. Что-то тянуло туда постоянно. Я только потом понял, что. Но об этом позже. Чем мне, бывшему москвичу, полюбилися Сахалин? Сразу и навсегда? Да он и сейчас по ночам снится! И, снова вернувшись туда, вместо трёх контрактных лет я отбарабанил двадцать. В нашем посёлке Вал жила и работала на буровых и вспомогательных службах – без шуток! – сборная Советского Союза. Кого там только не было! И поэтому, встретившись где-то в случайной точке Союза, (а отпуска-то у нас ого-го!) мы не бросались друг другу в объятия. А после корот-

кого «привет!» деловито оглядывались в поисках ближайшей торговой точки. Здесь же, дома, всё было гораздо проще. В свой «дилижанс» мы садились во всеоружии. Дорога предполагала, а мы располагали. Деловито, с шуточками, доставали «огненную» воду и закусь, ощущая взаимно-братское расположение. В наших дорожных беседах круто замешивалось всё: рыбалка, охота, политика, искусство, любовные приключения...

Вот и в этот раз наш «Пятьсот весёлый» прибыл на Горячие Ключи, одну из промежуточных остановок между нашим посёлком и Ногликами.

Ключи уже тогда считались курортом. А на деле, если честно, то слова из знаменитой композиции Гленна Миллера «Поезд в Чаттанугу» подгонялись сюда вплотную. Помните: «Вот этот рай: забор, конюшня, сарай»? Конюшни правда не было. Зачем оленям конюшня? Стояли несколько добротных сборно-щитовых бараков, разделённых внутри на палаты, деревянные тротуары между ними и строения из обычных досок, где и были эти самые ключи. А другого не построишь. Ключи-то на мари!

Кто не знает, что такое марь, объясню. Представьте болото. Зимой оно замерзает. Летом оттаивает. Техника может провалиться там. Были случаи. На семнадцатой буровой «Восточные Даги» трактор-болотоход увяз по кабину. Наверное, его потом и вытащили, но не при нас. Человеку провалиться там тоже можно. Но только если попадёшь в талое ок-

но. А так шлёпаешь в болотниках по чавкающей субстанции, а под ногами твердь. Лёд то есть. Вот что такое марь.

Эти самые Ключи были и есть уникальнейшим местом. В каждом из них была разная температура воды, которая поднималась из земли на поверхность с большой глубины. Многим они помогали от разных болезней. И пускай в то время Сахалин был закрытой пограничной зоной, люди с материка через знакомых получали вызов и приезжали. Иногда просто писали на любой сахалинский адрес, объясняли в чём дело и получали его. Ну скажите мне в каком городе не было улицы Советской или Ленинской? А номер дома и квартиры в пределах первого десятка, так это ж как «с добрым утром»! Сейчас свободно – сел и в дамки! А тогда...

На «перроне» наш «экспресс» уже ждали пассажиры. Почему в кавычках? Да потому, что он начинался прямо с насыпи. Кавычки по «экспрессу» указаны выше. Кто помоложе залетали в вагон сразу. Кто постарше – поднимались с усилием. Тех же кому за шестьдесят вежливо подсаживали. И надо ж такому случиться, что около нашего вагона стоял такой человек. Один-одишёшенек. И помочь ему никто не спешил. Дело за малым:

– Мужики, я шас!

Поднимаюсь, выхожу из вагона и подсаживаю. А то ведь уедем. Может человеку позарез надо куда-то!

– Спасибо, сынок!

– Да не за что, батя!

Народу в вагоне ещё битма. Основная часть сойдёт на Дагинском промысле. Поэтому уступаю ему своё место.

– А ты?

– Через пятнадцать минут и я.

– Ну, вот, согнал человека!

– Этот сам кого хочешь сгонит, отец! – усмехнулся Вольдемар.

Слово за слово, разговорились. Мы про себя рассказали. Кто мы, да что. Тем паче за окнами вагона уже медленно проплывали буровые нашей нефтеразведки. А он рассказал про то, как живётся пенсионеру во Владивостоке. Под разговор налили ему дозу. Законные сахалинские полстакана. На что он вежливо сказал:

– Нет, сынки!

На нет и суда нет. Не упрасивают. Не материк. И тут Витька заметил, как из-под шарфа на лацкане его пиджака одиноко и сиротливо блеснул орден «Красная Звезда».

– Воевал, батя?

– Угу.

– Если не секрет, где?

– Под Москвой.

По истории-то было известно, что морская пехота из Владивостока дралась под Москвой. Но тут... Живой свидетель!

– Расскажи, отец!

– Да что там рассказывать! И провоевал-то всего три недели. Минус неделя дороги. Ранен был. Комиссовали. Вот

и вся война.

Славка полупьяно усмехнулся:

– Наверное при штабе? За две недели Красная Звезда... Не подумай, что хотим тебя обидеть, но мой папка пришёл с таким «иконостасом» – во!

И он размашисто провёл по груди. Молча из-за спины старика показываю Славке кулак. Поняв, что бормотнул не то, Славка проямлил:

– Извини, отец! Успокой душу, будь добр. Расскажи всё же, а? Без обиды. Не сердись!

Мы с неподдельным интересом просили его и он наконец сдался.

– Не буду говорить о том, как нас везли через всю страну. Что ели мы, что пили... Не интересно это. А вот гармошка и гитара были. Моряки весёлый народ! Нам представлялось, что мы те самые красные матросы, геройски дравшиеся в гражданскую войну. А это как бы её продолжение. И ещё росла уверенность, что только мы и никто другой, отбросим немца от Москвы. И следующим летом, кровь из носу, будем в Берлине. Не знали мы какой долгой, кровавой и жестокой будет эта война. А если ты ещё и молод, то только тебя и не хватает на передовой!

Немцы торопились. Зима – в полный рост, а одёжка-то летняя. И Москву-то уже в бинокли видно! Да и дома белокурые Брунгильды заждались. Тем паче камрады уже знали: медали за взятие Москвы ждут своих хозяев. Там, в конце

концов, можно и от мороза спрятаться. Нет, спешить им надо было.

Первый штурм был неудачен. Надо дожать во второй. Иначе замёрзнуть тут можно к чёртовой матери! А то, что не было сплошного фронта не беда! Те части, что в тылу остались, добьём после взятия вражеской столицы. Это я за них рассуждаю. А иначе-то как? Нам самим холодно было, хотя мы и одеты были не в пример им.

Попутчик замолчал, о чём-то подумал и махнул рукой.

– Пойду в тамбур. Курну. Разбередили вы меня.

Возразить мы не посмели. Даже как-то неловко стало, что заставили старика переживать снова то, что казалось бы уже бесповоротно далеко. Но почему же для нас, тех что родились через год-три после войны, она была так генетически близка?

Старик вошёл, улыбнулся нам, и изрёк:

– Фронтовая махра покрепче была!

Мы не знали просить его дальше рассказывать или нет. Может человеку тяжело вспоминать. Хоть и две недели провоевал, но ведь и Красную Звезду за «просто так» тоже нереально получить. Только он без вступления продолжил сам.

– Дружок у меня в батальоне был закадычный. Во Владике в увольнение вместе ходили. За девчатами приударяли. Не было надёжнее друга. Я и до службы не подарок был, мог за себя постоять. А что касаясь его, так это... Есть в одной блатной песне слова: «Матушка меня рожала, вся мили-

ция дрожала...» Так вот это про него. Детдомовским он был до флота. Ни кулака, ни ножа – ничего не боялся. Если какая стычка в городе с пехтурой в увольнении – ремень с захлестом через ладонь и полный вперед! Когда мне приходили письма из дома, то всегда просил почитать вслух. Он же ни от кого не ждал писем. Вот и грелся у моих, как у костра. Вся бравада слетала с него в тот момент. Сдвинет брови, смотрит в одну точку и думает о чём-то своём. Мог ведь на корабле остаться. Но упросил комиссара. Тот посодействовал. И пошёл со мной.

Как-то вызвал нас комбат:

– Вот что, «не разлей-вода», дело есть. Крутое, но очень нужное. «Язык» потребен. По возможности серьёзный. С вытymi погонами, я вас умоляю! Найдите, украдите, хоть самим родить. Нужен и баста!

– Товарищ комбат! Мы ж ни разу в разведке не были.

– Это что? Отказ?

Мы вытянулись.

– Никак нет!

– Вот и славненько! – и подвёл к столу с картой. – Здесь мы. Здесь они. А это – дорога. Недалеко от фронта, правда?

– Ну, не то чтобы...

– Ладно, ладно! Что для вас несколько километров туда-сюда за ночь? Суший пустяк! Вы ж у меня кто? Альбатросы революции! Вот тут и тут два оврага. Туда не суйтесь.

Там наверняка секреты стоят. А между оврагами чистое поле. Поэтому особо не охраняется. Разведчики от соседей говорят, что пост выставляется только ночью. Они тоже пойдут за «языком». Только в другом месте. А для нас по дружбе пушкари завтра в шестнадцать ноль-ноль дадут артиллерийский концерт. Ха-а-а-а-роший! По оврагам и по полю. Чтобы вы смогли за огневым валом проскочить вот сюда. – и он ткнул пальцем в несколько квадратиков на карте. – Там и пересидите остаток светлого дня. То ли ферма была, то ли... Ну, что-то колхозное было. Сгорело всё. Одни развалины. А уж ночью, будьте любезны, добежите мне до этой дороги! Очень надеюсь, что домой вернётесь не с пустым неводом. Возвращаться будете вот по этому маршруту, левее. Там вас прикроют прочно. «Язык» нужен всем. И чем их, вместе с армейскими разведчиками, больше достанем, тем лучше будет для всех нас. Надо ж командованию знать, что за новые части прибыли под Москву! Как их встречать, чем кормить-угощать... Ясно?

– Так точно!

– Ну и добре! – «дал нам краба» комбат.

С тем и ушли от него, готовиться.

Получили на кухне сухпаёк и там же перекусили. Потом пришёл инструктор из разведки, показал и рассказал про всякие премудрости в новом для нас деле, отдохнули несколько часов, и в белых маскхалатах выдвинулись на точку броска. До назначенного времени помёрзли в снегу вы-

глядывая нашу дорожку. Счастливой она будет или нет – никто из нас не знал. В четыре часа пополудни, как было договорено, покатился огневой вал. Да такой, что самим было страшно за ним бежать. Что уж было говорить и про «гостей дорогих»! Сидели наверное в блиндажах и нос боялись высунуть. Добежали мы до фермы, или как её там, и затаились до темноты. Ни покурить, ни чихнуть. Первый же раз в разведке, ясно море!

Дождались до темноты и прижимаясь к перелескам двинули к дороге. Луны не было. Это хорошо. Дошли без приключений. Нашли поворот, который просматривается в обе стороны и стали ждать. Часа не прошло, как вдалеке мигнули фары. Вот они всё ближе, ближе... Легковушка! Вот это фарт! Это ж надо! Думали дольше ждать придётся.

– Снимаю мотоцикл!

– Лады! Машина моя!

Моя автоматная очередь пришлась аккурат по сопровождающим, а от гранаты другана машина чуть подпрыгнула и ткнулась в кювет. Мотоцикл ещё ревел на остатках бензина, когда я рванул к машине. Напарник лежал на том же месте с автоматом наизготовку. «Молодец! – подумалось. – Прикрывает!» Выстрелив для верности в водителя, рванул дверцу на себя. С заднего сиденья со стоном вывалился высокий худощавый офицер.

– Нихт убивайт! Плен! Их бин плен!

Ещё удача – догадливый попался! Сразу сообразил, что

к чему. Связав руки толкнул в спину.

– Вперёд!

А дружок всё ещё лежал на обочине. Подошли с немцем к нему. Не шелохнулся даже. Не по себе стало что-то. Тронул его за плечо, а он и свалился на бок. И там, где была голова растеклось чёрное, изменившее свой цвет в ночи, кровавое пятно. Свой же осколок прилетел ему в лоб! Резко повернувшись к пленному, еле сдерживая себя, говорю сквозь зубы:

– Ах ты, мразь! Да знаешь ли ты, кого я сейчас потерял? Была б моя воля, в лохмотья тебя порвал бы! Жаль не могу. В другом месте ждут!

И закатил ему такую плюху, что минуты две он приходил в себя. Да ещё прикладом вытянул вдоль хребта. Лучше б я этого не делал! Плача засыпал своего дружка в кювете снегом и тронулись мы с немцем в обратный путь. Вначале он шёл нормально. Потом начал постанывать. А через несколько километров совсем повалился.

– Вставай, сука! Ещё полтора часа топать! Не сачкуй, твою мать!

Пинками заставил его встать. Ещё час топали. Всю дорогу он стонал. И вдруг упал снова.

– Я есть кранк! Не могу нога ставит болше!

– Я те щас и ногу поставлю, и руку. Ещё и морду набью! Ты что ж себе думаешь, сволочь, что мой дружок просто так под снегом полежать захотел? Не было б тебя, я б его сам к нашим на горбу пёр! Вставай, гнида! Очень тебя ждут у нас!

И кляп в рот для верности. Но ни пинки, ни затрещины уже не помогали. Он не вставал. Видимо приклад вдоль хребта был лишним. А время поджимало...

Наши и немецкие ракеты чётко обозначили линию фронта. И, хошь-не-хошь, а пришлось мне взвалить этого «фон дер Фрица» на горб, и переть его к точке встречи, где нас в перелеске ждали. Сколько матюгов произнесённых шёпотом слышал этот «Ганс»! Если он потом выжил в плену, то его словарный запас по части русского мата пополнился неимоверно. Задыхаясь и обливаясь потом я тащил его, проклиная всё на свете: и войну, и Гитлера, и комбата...

Мы были уже на середине нейтралки, когда сзади коротко рыкнул пулемёт. И повалились мы в снег. Не потому, что я сообразил мгновенно залечь. Даже подумать об этом не успел. Пулемётчик немецкий оказался мастером своего дела. Матёрый попался, тварь! По ногам бил. А «Шульц» как-то сумел вытолкнуть кляп изо рта и, веря в своё близкое спасение, что-то орал на своём языке. И уже под прикрытием нескольких пулемётов к нам бежали немцы.

– Ну, уж это вам не по причалу Владивостокскому бегать! – скрипнул я зубами разворачивая автомат. – Он мне ещё за друга не ответил!

И уже плясал на мушке внезапно поздоровевший «Курт», что-то радостно крича и делая первые шаги навстречу своим, когда нарастающий свист всех бросил снова в снег. Наши

миномётчики тоже не лыком шиты. Такую стенку поставили между нами и его спасителями – приходи, кума, любоваться! И среди этого крошечного ада несколько пар рук потащили нас к спасительным окопам...

Долго я в госпитале валялся на Урале. Ещё, как попал туда, просил доктора:

– Всё, что ни скажешь, капитан выполню! Все процедуры приму, все операции перенесу, но ногу верни. Очень тебя прошу. Мне за дружка ещё отомстить надо. По-полной!

Тот покачал головой.

–хлопотно будет! Видать из «машингевверера» тебя продырявили. Но попробуем!

И орден меня в госпитале догнал, и ногу мне спасли. Только гнущаяся она перестала. С тем и комиссовали. А на мой упрёк доктор сказал:

– Извини, матросик! Сделали что смогли. Я ведь тоже не бог. Проще было отрезать её!

Так вот и закончилась моя война, сынки. Только к старости нога моя стала чаще болеть. Потому и гоняют меня дети по курортам. Трое их.

– Батя! Давай друга помянем твоего. – предложил Славка.

На сей раз старик не отказался. Взял полстакана и спросил:

– Не многовато?

Мы ответили:

– Доза!

Он молча выпил, закусил и добавил:

– Вот так вот!

В вагоне шёл обычный трёп. Где-то звякнули стаканы. Кто-то хохотнул на анекдот. А мы ещё полчаса до нашей остановки ехали молча. Не до разговоров было. За окошком поплыли первые дома посёлка Вал. Нам сходить.

– Ну пока, отец! Если надумаешь снова к нам на «Горячие ключи» – дай знать любому из нас. Вызов дадим.

Сунули ему в карман листок с адресами и вышли из вагона. А наш «архискоростной экспресс» повёз попутчика в Оху. Мы знали – завтра, не позднее обеда, он вылетит на материк. А дети встретят его во Владивостоке. Так что всё будет «абгемахт»! Вот так вот.

ЗВЕРЬЁ

Вот и получилось «не разбери-поймёшь»! Рост и шерсть от мамы-овчарки. Уши и всё остальное от спаниеля Женьки. А Женька, надо сказать, был из ряда вон. Покрупней своих собратьев. Потому у них с Альмой и получился роман.

Поскольку Саня Молчанов и Женька были неразделимы, то Молчан и получил двух щенков от приплода. А уж если природа захочет сделать сюрприз, то не всегда смесь пород бывает неудачной. Это собачники закомплексованные! Им подай чистую породу и всё. А вот, поди ж ты! Альма была белой. Редкость! Женькиной же черноте любой негр позавидовал бы. А щенки получились один другого краше! Девочка белая, с чёрной манишкой и хвостиком, а на чистейше-белом листике спинки латинская буква «S». Плюс чёрненькие гольфики с белыми разводами.

Мальчик вообще заказной: антрацитнейшей расцветки, с белым галстучком, в белых носочках и белой капелькой на кончике хвостика. Сидим с Саней, любимся...

– Нравится? Кто?

– Да оба, Сань! Это ж надо! Вот природа художница! Смотри, что натворила, а?

– Угу! – Молчанов разливает по второй. – Ты хотел щенка от Женьки? Бери! Для кореша не жалко. Только пацана. Девку себе оставлю. Ну и красивая же, стерва! Если Жень-

кины гены сильны, то на охоте будут академиками.

– Сань! Если разобраться, то тебе Нобелевскую должны. За новую породу – спановчары!

– Ты ржи, не ржи, а медаль я точно заслужил. Короче я вывожу Женьку. Ты хватаешь пацана и валишь до хаты. А то он не выпустит. Мне и то только на второй день погладить разрешил. Папашка! Чуешь?

Я кивнул.

– Давай, выводим!

Молчан поднялся.

– Жень, а Жень! Пойдём-ка у протоки бурундуков погоняем. А то они от жиру совсем спортивную форму потеряли!

Женька взвизгнул, закрутился и, бросившись к двери, оглянулся, говоря мне глазами как старому другу: «Мы скоренько! Посмотри тут!» И пулей вылетел в открытую дверь.

Забрав своё сокровище, сунув его за пазуху, бегу домой изнывая от смеха. Щенок под рубахой своим шершавым язычком старательно укладывал мою трёхволосую растительность на груди. Щекотно – это очень слабое слово, отражающее то, что происходило. Решение было мгновенным – член семьи! Тем паче, наслушавшись спецов по этому вопросу, я морально был готов полгода убирать за ним кашки. Поскольку любая уважающая себя псина поначалу метит территорию, где живёт. Да и держать такую красоту на улице – нонсенс. Но дома имярек Евгеньевич сел у двери и начал подвывать. Мысль: «К Женьке, папочке рвёт-

ся! А, будь что будет! Если побежит к Санькиному дому – не судьба!» Но это, пока ещё безымянное чудо, поджав хвостик и оббежав мою сорок восьмую будку, или балок по-другому, сделав свои дела вернулось, село на порог и сладко зевнуло.

– Ты посмотри, умница какая!

Радостная улыбка, подхват на руки, чмок в мокрый носик и его ответное облизывание моего лба – достаточное доказательство взаимного доверия. И любви.

– Всё! Ты мой пёс, понял?

И эта фраза была твёрдой и жирной точкой утвердившей наши взаимоотношения.

Всё схватывал на лету! Играя притащил мне тапок. Получил печенюшку. Съел. Внимательно посмотрел мне в глаза, побежал и уже сознательно притащил второй! Заодно напомним мне, что надо разуваться у порога.

– Ух ты, соплё умнящее! – и вторая печенюшка стала наградой за сообразительность. – Как же назвать-то тебя? Такому записюшному профессору имя должно быть соответствующее. Ладушки! Приедет Валюха с вахты через пару дней, тогда и решим. А пока будем изучать твои способности.

Не знаю бывает ли такое у других, но мой четвероногий за эти два дня удивил так, как не удивляет никто. Вот пожалте вам: на Сахалине, на средних волнах, Японию слышно так, как в коммунальной квартире слышно соседский маг-

нитофон. Я любил слушать японскую современную музыку. А что? Красиво играют, черти! Кое-какие рифы у них и слямзить можно. Псёнок, вначале никак не реагирующий на неё, сразил наповал! Играли какой-то японский рок, где в паузах лаяли ихние псы. Этот вундеркинд, бросив гонять шарик от пинг-понга, свою любимую игрушку, вдруг рванулся к «Сириусу», прислушался и начал доказывать тем забугровым псам, что они полнейшие профаны в современной музыке. А и правда возмутительно! Если гавкаешь под музыку, то гавкай в такт! Я валялся от смеха. Нет, щеня явно претендовала на «Грэми».

Эта капля живого существа, у которой ещё зад заносило на бегу, понимал такое, что другие собаки, породистые вусмерть, начинали понимать после длительных тренировок. Картина Репина: ко мне заходит знакомая. Или знакомый. Не суть важно! Если человек мне приятен и я иду к нему с лёгким сердцем навстречу, пёс шариком катился к нему и начинал игриво таскать его брюки, за... ну в общем за всё, за что позволял ему маленький рост. Но если в моей интонации он улавливал неприязнь или что-то в этом роде, то маленькая «варежка» с острыми зубками вставала впереди меня, грозно дыбила загривок и, как ему наверно казалось, ужасающе рычал. Хотя до настоящего рыка было как от Филиппин до Тмутаракани.

Дитё оно и в Африке дитё. А дитю нужны игрушки. И они

покупались. Страшно не любил резиновые со свистком. Вначале пугался. Потом рвал их в лохмотья. Обожал шарики от пинг-понга, мячики и всё круглое, что могло во время игры резко менять траекторию. Это ему доставляло такое удовольствие, что набегавшись мог часами лежать влѣжку.

Он спал умаявшись погоней за бабочками на огороде. Отцовские гены явно прослеживались. Погоня для него была кайфом. Но, чтобы не беспокоили потом, забирался под кровать. Позднее это доставляло ему большие проблемы. И ему пришлось отказаться.

Валюха вошла, бросила у порога свою «боевую» сумку, и рухнув на кровать попросила:

– Дай морсу, ради Бога! Растрясло в вездеходе – мрак! Да ещё на седьмую буровую заезжали. Люську в роддом забирать будут.

Морс у нас не переводился и целая эмалированная выварка была отведена под него. Брусники за посѣлком – гребня гребни. И пока я наливал морс Валюхе, это безымянное существо разбуженное шевелением над ним, вышло. Вопросительно поглядело на меня и, развернувшись, осторожно подошло к кровати. Понюхав воздух оглянулось ещё раз, село рядом и нерешительно твякнуло. Видно было, что пытается срастить ситуацию: если я не реагирую на лежащее тело – значит так надо. Если так надо – это кто-то близкий. Если это кто-то близкий, значит имеет ко мне прямое отноше-

ние. Дальше неоспоримая щенячья логика: это второй главный в доме двуногий. И к нему надо относиться по-дружески. На милой собачьей мордашке это было написано. Уже, обращая на себя внимание, щеня твякнуло ещё раз. Но уже извинительно. Валя села на кровати. Они помолчали, изучая друг друга.

– Господи! Какая прелесть! А красавчик какой!

Она легко взяла его на руки, не встретив ни малейшего сопротивления. И устроили возню. Подружились влёт и сразу. А имя ему пришло на следующий вечер.

Саня Молчанов забежал посмотреть, как живёт у нас Женькин потомок. Втроём уселись за ужин. Щенок, как и положено члену семьи, питался с нашего стола. Мы обсуждали последнюю Сашкину охоту. В чём-чём, а в этом Молчанов был спец. Особенно по водоплавающим. И рисовали нашему подопечному великолепную охотничью перспективу.

Япошки по радио вели передачу на русском языке. Как сейчас помню, о сталелитейных компаниях совместных с америкосами. О том, что президент Никсон ратует за общие технологии, которые могут поднять данное производство на недостижимую высоту. В конце, соответственно, прозвучали два гимна. Псёнок увлечённо грыз баранье рёбрышко абсолютно не реагируя на японский. Но когда зазвучал американский, бросил свой титанический труд и неподвижно просидел у приёмника до конца. Большого значения этому не придали. Ну, посмеялись слегка... Мало ли! Но только

стоило мне машинально просвистеть его снова, щеня мигом село рядом и просидело не шевелясь.

– Ой, братцы! – засмеялся Санька. – Видимо в прошлой жизни он американцем был!

Вот так и появилось имя у щенка – Никсон. Поскольку тогда Америкой правил этот бывший киноактёр.

Никсон рос. И в характере совместились две составляющих – охотничья и бойцовая. Возраст его подкатывал уже близко-близко к первой из пятнадцати вех собачьей жизни. Никсон становился большим, весёлым, умным псом который без всяких тренировок знал на кого рывкнуть, а кого ласково за штанину или за рукав куртки вести в гости. Стало удобно зимой ходить на подлёдный лов нашего залива. Нет, была конечно и дежурная машина отвозившая рыбаков нашей нефтеразведки туда в семь утра от диспетчерской, но Никсон гордился тем, что выполняет важную миссию, идя рядом. Я соорудил ему сбрую из ремней, на детские лёгкие санки приторочил ящик... Дальше понятно: все рыбацкие прибабасы укладывались в него и мы шествовали. Не шли, шествовали. Никсона распирало от гордости. И встречные собаки воспринимались им, как что-то несущественное. Кошки – кошки!!! – не принимались в расчёт вообще. Но однажды на дороге попался заклятый враг его и нашего Алиса. Более того! Тот выгнул спину и начал шипеть! Этого Никсон спустить не мог! Мощный рывок и дикая погоня в упряжке, где лежал ледобур, удочки, рюкзак с перекусом, ром... Поиски моего

богатства заняли остаток дня, а рюкзак стойко пропитался запахом рома «Негро». Челябинские воензаводы не подвели. У термоса была стальная колба.

Как? Я не познакомил вас с Алисом? Ну, знаете ли... Что ж, прошу прощения. Сейчас исправим этот «косяк». Это были два закадычайших друга, Алис и Никсон. В те дни, когда я ездил на вахту без своего любимчика, он оставался дома с Валухой. Соответственно, если наши вахты совпадали, Никсон ездил со мной. Для него что поезд, что вездеход, что вертолёт, что трактор – по барабану! Я рядом и это главное! Но в тот кон он был дома. Спрыгнув с вахтового «Урала» иду к своему жилищу, насвистывая – правильно! – «Янки Дудль», а навстречу летит мой красавец улыбаясь во всю морду. Тут главное вовремя увернуться от его прыжка на грудь. Ладно летом. Или зимой. А весной или осенью? Представляете? То-то и оно! Стойкие отметины его безграничной любви приходилось отстирывать. Значица идём мы домой весёлые, довольные... Весна, тепло, солнце... И вдруг в переулке кошачий визг... Кино и немцы – три больших шавки рвут в лохмотья маленького котёнка! Никсон туда. Я следом, дабы помочь пострадавшему и удержать своего от непотребства. Мой «американец» ворвавшись в свару бросился на... собак! И понеслась! Это надо было видеть! Не ожидавшие такого свинства шавки вначале опешили. И, бросив котёнка, решили проучить наглеца. Но их атаки разбивались о Никсона. Он стоял как утёс, выдавая

«люлей» подвернувшимся неудачникам. Как он был красив в своей псиной ярости! Котёнок уже был у меня на руках, а я ждал, чем всё закончится. Ну, кто скажет, что у собак только инстинкты! Он вычислил «пахана»! Великолепнейший прыжок вверх, и атака с воздуха повергла противника наземь. Схватив его за горло Никсон начал сжимать челюсти не обращая внимания на остальных. Те пытались его как-то ещё образумить, но... «пахан» захрипел. Шавки, повизгивая, замерли рядом. Ни одна собака не загрызёт другую насмерть, если в этом нет необходимости. Никсон отпустил врага продемонстрировав, что власть сменилась. А котя весь обессиленный, в кровище, но живой, чем-то булькая у себя внутри, лежал в моих ладонях. Мы помчались с ним домой. А сзади снова свара! Бывшие «соратники» набросились на главаря. Судьба!

Три дня котя лежал пластом... Три дня я поил его молоком и куриным бульоном. А когда на время оставлял его, занимаясь домашними делами, Никсон укладывался рядом и, облизывая тихонько, размалывал зубищами сгустки крови на его шерсти. Три дня котёнок был на грани... Кто сказал, что кошки и собаки вечные враги? Бросьте в него камень!

На четвёртый день, проводив Валентину на работу и вернувшись, я увидел... Ох, как жаль, что у меня тогда не было знакомого художника! Ну, не было! Никсон, почти не дыша и не шевелясь, лежал вытянув вперёд свои лапы. А в ложбинке его сложенных лап дремал... наш спасённый! Гамму

чувств на морде моего пса описать одним словом? Не смешите меня! Там было всё: гордость, сознание исполненного долга, радость за оказанное ему доверие, готовность порвать любого, кто тронет эту спящую живую каплю, и не собачья нежность в глазах. К приезду Валентины, а прошло пять дней, они уже играли. Никсон обычно лежал закрыв морду лапами, а котя, вздыбив шерсть, подкрадывался к нему как-то боком, нападал и отскакивал. Умора!

Котёнок оказался яркой бело—рыжей масти. И пушистым. Очень. Даже наша ошибка в определении его пола и та доставила несколько приятных и весёлых минут. Мы посчитали, что это кошечка. И дали соответствующее имя. Алиса. Но, когда высветился наш промах, было уже поздно. Он привык. Пришлось срочно убирать одну букву. И Алиса стала Алисом. По отчеству Алисович. И по фамилии Никсон. Вот так! С тех пор мой пёс вообще перестал обращать внимание на котов и кошек. Пусть шипят, гнут спины... только не на Алиса! В противном случае – кто не спрятался я не виноват! Вот с этой ноты и начнём повествование про их общего врага. Под раздачу попадает молодой, но уже здоровый кот.

Откуда он пришёл в наш переулок неизвестно. Наглый донельзя. Какой-то, как говорят в народе, серо-буро-малиновой масти с продрисью. Мелким шавкам не было от него пощады. Коты и кошки в округе приняли смиренно его превос-

ходительство. Но... и зачем ему надо было отбирать у Алиса воробья, первую его настоящую охотничью добычу? Тем более удачливый охотник тогда имел меньшую весовую категорию. Не спору, где-нибудь, когда-нибудь эта атака агрессора и принесла бы успех. Но здесь, у своего порога Алис, как последний защитник Ла-Рошели, стоял насмерть! Я уже было бросился к нему на помощь, но мимо пролетела чёрно-белая торпеда, попавшая без промаха в цель! Когда осело пылевое облако, то сравнивая с увиденным картину «Атака французов на Багратионовы флеши», можно было считать лубком, нарисованным неизвестным народным живописцем в неизвестной деревне. Агрессор с поломанным по середке хвостом, которому уже никогда не стоять в боевой стойке, с выданным клоком кожи на боку, весь какой-то пожатый и пожеванный, удирал во все четыре «копыта»! С тех пор появление его в нашем переулке наглецу не светило. Через год Алис заматерел сам. Стал уважаемым членом «дворянского собрания» переулка. И тот, который раньше претендовал на эту роль, теперь обходил переулок по касательной. И как можно было такое забыть, чтобы снова нарваться на Никсона?

Алис спокойно дремал на крышке «Сириуса», когда сквозь сон услышал яростный лай своего побратима. Так Никсон лаял только в самом экстренном случае. Кот – представляете моё состояние, видевшего всё это? Почему тогда кинокамеры были страшным дефицитом? – метнулся к две-

ри, упёршись лбом открыл её, и побежал к своему псу. Минута на дружеское обнюхивание, минута потереться о Никсоны лапы и снова лай, задрав морду к вершине столба. Алис поднял голову посмотреть на кого лает друган, а там... его старый обидчик перешедший границу *их* владений! Но теперь весовые категории были равны. Алис стал подниматься наверх. Он не спешил. Давал противнику осознать неминуемость возмездия. Последний метр до врага он пролетел пулей. Агрессор рухнул вниз. И как только Никсон промахнулся – уму не постижимо! Серая тень старого обидчика взлетела на забор, оттуда на Молчановскую крышу, и дальше – «огородами и к Котовскому»! Больше он в наших краях не появлялся.

Так мы и жили вчетвером – два гомо сапиенса, Алис и Никсон. Потихоньку песочные часы моей жизни пересыпали в нижнюю колбу почти треть отпущенного мне срока. А поскольку по жизни я всегда ходил с музыкой под ручку, то и там, на Нижнем Валу, у меня была команда под названием «Си-бемоль». Не для рекламы сказано. А для того, что эта команда имела прямое отношение к судьбе моих четвероногих.

Алис был равнодушен к музыке. Я уже говорил про это. А Никсон всегда бегал со мной на репетиции. Но в клуб его не пускали. И он укладывался под окном, где мы занимались и ждал. В любую погоду. В любое время года. И все «Си-бемольцы» считали его своим. Общим нашим достоянием.

Пёс тоже любил и знал всех.

Валентина собралась рожать. Кто ж от этого застрахован? И по нашей общей договорённости улетала на материк. К матери. А чтобы скучно не было я пригласил к себе из общаги ритм-гитариста Игоря Глебова. Он же по совместительству тракторист. А что? Очень даже удобно. Бас-гитарист Колька жил в «будке» напротив. Так, что всё свободное от репетиций время мы работали на нефтеразведку. Несколько месяцев длилась эта женато-холостяцкая жизнь пока не пришла телеграмма. У вахтовой машины меня встретил диспетчер.

– Забеги в контору. Тебя хотят.

И сам лыбится, как хитрый гиляцкий шаман. Захожу. Стоит Леонид Дружинин, начальник нефтеразведки, Анатолий Лоскутов, председатель профкома и «лица приближённые к императору». На столе коньяк, котлеты в газетном кульке, шмат сала... то есть весь джентльменский набор. Лоскутов наливает полстакана.

– Пей!

– За что наказан? Рухнул фунт стерлингов? Подскочила цена за баррель?

– Пей! Это приказ!

Что, позвольте, оставалось делать? Замахнул. Занюхал котлеткой. Дружинин протягивает ведомость.

– Распишись!

Смотрю: «За успешные рационализаторские разработ-

ки...» Мои глаза принимают размер небольшого блюда. И сумма в пятьсот ры. Это ещё теми, советскими!

– Братцы! За что? Я никогда не стрелял в Кеннеди! Объясните ради Христа!

Лоскутов позвонил секретарше. Та вошла, протянула ему какую-то бумажку и он зачитал.

– Приказ по РИТС-4. Перминова от работы освободить. Выплачивать двойную зарплату. На спине рабочего комбинезона написать «Племенной» На груди – «Кто хочет двойню? Подходи!» И хохот! И вручают телеграмму. Ясно море, что приказ розыгрыш. Но телеграмма и деньги были настоящими.

– Дорогу в один конец мы оплатили. Билеты ждут в Ногликах. Завтра вертолётom летишь туда. К вечеру там приземлится Карэн. Почту привезёт. С ним и отчалишь. А сейчас дуй в магазин. Двойню обмывать будем! Премия на руках. – Дружинин переступил с ноги на ногу. – Ты ещё здесь?

– Я только домой забегу. Игорёхе записку оставляю.

– Сорок минут! Время пошло!

– Есть!

В записке было: «Игорёха! Я ненадолго! Тебе всё объяснят. Никсон и Алис остаются с тобой. Жди нас! Серёга».

Но задержаться пришлось. На три года. И когда дети стали транспортабельны, мы с Валюхой решили вернуться на остров. Волнений не было потому, что Игорь, этот несусветный лодырь, всё же... написал! Да, да! «Серёга! Всё абгемахт!

Зверьё в порядке. Не психуй. Ждём!» Это ж сколько было потрачено им времени, чтобы написать такой роман! Толстой нервно курит в сторонке!

Я прилетел первым. Надо было расширить жилплощадь. И сразу же побежал в свою сорок восьмую будку. Она оказалась пустой. Что-то не по себе стало. Бегом в контору.

– Где Игорёха?».

– Да здесь он. Вон дом. Угловая хата.

Прибежал.

– Привет!

– Здоров!

– Где моё зверьё?

Он нахмурился, достал «черпак», рюмки, разлил.

– Давай помянем!

– Да ты толком говори! Сам же писал «всё абгемахт»!

– Да не ори! Орёшь... Всего-то три месяца не дождались тебя они. Пока мы в старом клубе играли – всё было в норме. Потом достроили новый. И сколько я его с собой ни брал, думал привыкнет, так нет! Он, как заведённый под то окно! И клуб старый уже пустой. И окна повыбиты... только проشياпишь – он там. Ему девчонки бант нацепили. С этим бантом и ждал. Жил здесь, у меня. А ждал там. Вот однажды пьяный гиляк из карабина и... мля! Похоронили мы его по-человечьи. Завтра сходим. Все наши плакали, как над родным. Алис неделю ходил по посёлку и орал благим матом. Всё его искал. А потом ушёл куда-то и всё! Больше здесь его

никто не видел.

– Где найти того гиляка?

– Не надо, Серёга! Не бери грех на душу. В больнице он. Споткнулся... Бывает...

Если вам иногда скажут, что водка бывает сладкой, не верьте.

Горькая она.

МУХА

Всё началось с недоразумения. В нашем общежитии праздновался очередной «юбилей Дома Романовых». Во всех комнатах, в состоянии пропагандис-с-с-ким не быть, обсуждались производственно-бытовые вопросы. И в глаза, – а это лучше, чем за глаза, – высказывались мнения о промахах на последней пятидневке. Так же обсуждались сердечные проблемы. Шли братски-дружеские разборки о правоте или неправоте друг друга в различных ситуациях, когда мы с Богданом решили прогуляться в женское общежитие. В коридоре встретили дежурную по общежитию Нину. А поскольку я был в весёлом расположении духа, взял её на руки и сказал: – Мисс! Я полюбил Вас с первого взгляда! Так могут любить только у нас, в Оклахоме!

За эту невинную шутку получил по морде ладошкой, но не обиделся. Нам с Бодей было вельми хорошо и поэтому мы не обратили на оплеуху ни малейшего внимания. А, засмеявшись, прошествовали дальше. Нас ждали в другом месте. Вот собственно и весь инцидент.

Утром в столовой ко мне подошла Зойка. Или Зарима Муха. Симпатичная такая повариха. Надо отдать должное в этом вопросе. До этого случая я думал, что «Муха» – это кличка. Как потом оказалось был не прав.

– Слушай, друг любезный! Ты что себе позволяешь?

– В отношении кого?

– Вчера прибегает моя подруга Нина и говорит, что ты пытался её изнасиловать!

– Кто? Я? Зойка, а чё у тебя компот солёный?

– Она так сказала. Смотри, я мужу пожалуюсь! Он у меня бывший мастер спорта по боксу. Милиции не потребуется.

– Зойка! Я тебя никогда глупой не считал. Ты в своём уме? Во-первых: будь я верблюдом, то и мешок колючек мне не награда за неё в голодный год! А во-вторых: как ты могла даже подумать об этом! Чтобы я? Силой? Зойка, ты меня не уважаешь! Она ночью приснится – речь потеряешь, а я и так заикаюсь!

– Я тоже подумала, что-то тут не так. Такие не в твоём вкусе. Но она так убедительно описывала твои приставания, что я решила с тобой поговорить. Тем более, она же не красавица. И защитить некому. А вдруг это правда?

– Зойка, посмотри в эти глаза! Они не могут лгать!

Она, улыбнувшись, шлёпнула меня полотенцем.

– Баламут ты неисправимый! Просто диву даёшься – вроде не Ален Делон, а чего в тебе бабы находят?

– Может, просто добрый, а?

– Чеши отсюда! Не мешай работать! – и вторично, ласково, огрела меня полотенцем. – Всё-таки заскочи сегодня к нам. С Николаем познакомлю.

Так мы и познакомились с Колей Мухой. Оказывается, это была настоящая фамилия! Самая натуральная. Хохлятская.

Да, когда-то он был мастером спорта по боксу, тренером. Жил на Украине. До Зойки был женат. Развёлся. Работал на золоте. У кого-то увёл Зойку и попал к нам в нефтеразведку. А фамилия его иногда становилась предметом анекдотов. Как-то нам в промтоварный магазин привезли страшный дефицит: стиральные машины-малютки. Объем на полведра. Удобные штучки для женщин. Что-то по мелочи состирнуть – пожалуйста! Не надо заводить стирку на три часа. Раз, и готово. Слух по посёлку разнёсся с невероятной быстротой. Очередь занимали с четырёх часов утра. Прибегаю в полпятого. Уже было нужно. Жена с материка приехала, так что появились обязанности. У крыльца магазина одиноко сидит Васька Востриков.

– О! Смена пришла!

Забыл сказать, что в то время в посёлке появилась и Зойкина мать. Колькина тёща то есть.

– Васька, за тобой много толпы?

– Да нет. Ты тут посиди до очередного, а я сбегаю домой, «чердак» поправлю!

– И всё-таки сколько?

– Да всего две Мухи за мной! Молодая и старая!

И убежал. А я сидел и, улыбаясь, думал: «Вот если Зойка с матерью уедут отсюда, то тогда, может быть, и будет у них шанс назваться своей настоящей татарской фамилией. Но пока они рядом с Николаем, так и будут две Мухи – молодая и старая!»

Было у Николая какое-то гипертрофированное чувство справедливости. Зная свою непомерную ударную мощь, он старался избегать конфликтов. Если инцидент был несущественным предупреждал: «Не зарывайся, брат! А то из трусов выпрыгнешь!» И этого было достаточно. Но за чужую, и свою правоту мог порвать в лохмотья любого. Однажды после силосной компании наша «зондеркоманда» ожидала в Ногликах дорогой сердцу «Пятьсот весёлый экспресс». Затарились, как положено. Дорога дальняя. И «в полдень джентльмены выпивали и закусывали». И, что там не поделил всегда добродушный Ванька Курушин с Худяком – одному Богу известно! Мужики рослые, здоровые. Не мне чета. Только, возвратившись из привокзального киоска, я с удивлением разглядывал, как они и ещё двое «присяжных» уютно лежали в рядок на перроне.

– А чё они тут делают? Кто-нибудь объяснит? – удивляюсь с полупьяна.

– Ой, Сирёгу! – Ромка Галимов выкатил глаза. – Чива-та за Гондурасу заспорили. И Панаму. Сильно спорили! Сыматрю, рубашка рвать хочет! Я к ним! Минабат, гаварю, чива вам там нада? А тута Витьку с Мишкой пришёл, Америку принёс. И рубашку – хрясь!

– Одну?

– Защем? Читыре! А Муха минобатому прибежал искат.

– Нашёл?

– Ага! Вот лежат!..

А ещё нас сдружило с Мухой то, что в далёкой юности я тоже «плясал» на ринге. Потом врачи выгнали. Слабое глазное дно. Ослепнуть мог от хорошего удара. Но второй юношеский разряд всё же выколотил. И на том спасибо. Поэтому, кроме всего прочего, у нас были общие точки соприкосновения и в этом. И в компании его шутки всегда были вовремя и к месту. Никогда не случилось такого, чтобы он «не попал». Как другу ему цены не было. Последнюю рубашку, если нужно, с себя снимет. Не подведёт никогда. Ни при каких обстоятельствах. «Муха сказал!» – звучало авторитетно. Хлебнул всего в своей жизни. И немало. После развода с первой женой чуть не спился. Со спортивной карьерой пришлось «завязать». Но нашёл в себе силы, уехал из Украины. На золото. Там и с Зойкой познакомился. Любил её сильно, но... Но и с Зойкой прожил года два. В крайнем случае при мне. Схлестнулась Зойка с нашим главным инженером. Бурный и недолгий роман кончился тем, что нашёл инженер чистую, хорошую девочку-десятиклассницу, женился на ней, а Зойка осталась не при делах. Его Коля трогать не стал. Ей закатил затрещину, от которой она несколько дней провалялась дома, а потом открыл дверь и коротко сказал: «Уходи!» И сошелся с другой женщиной, которая родила ему позже двух Мушенятюк.

Ох уж эти главные инженеры! И я на том же сгорел. Когда

ещё на шахте работал. Мою Светку так же охмурили. Только у любовника Светки жена бездетная была. А Светка – ну чистая Клаудиа Кардинале! Красавица. И неважно было ему в тот момент, что у нас двое детей. Говорил, что жить без неё не может, что и с детьми возьмёт. Так по крайней мере мне в посёлке и в лицо говорили, и в спину смеялись. Да только вот не получилось!

Была в том шахтовом посёлке семья. Хоть оба и алкоголики были, но двоих детей, Ромашку и Наташку, содержали как надо! И так бывает. Вначале умерла она, после он. А жена «главного» усыновила обеих. И вызвали того в райком.

– Тебе карьера жмёт? Давай-ка, друг, завязывай с романчиком! Иначе партбилет на стол положишь!

Случалось, в нашей российской истории, когда даже особы императорских кровей отказывались от принадлежности к царской семье. И ради любимых слагали с себя регалии. Но в наше время расстаться с партбилетом означало одно – полный крах! И карьеры, и благополучной жизни. Девяносто девять процентов коммунистов не могли себе этого позволить ради высшей идеи! Поэтому неожиданно став отцом двоих детей, проявив партийное благородство, о котором потом трубили местные газеты, пришлось сказать Светлане: «Гуд бай, май лав! Гуд бай!» Или что-то в таком контексте. Но и я уже к тому времени накуролесил как следует. Не железный ведь! Святым не был, чего уж там. И в этом у нас с Николаем схожесть была. Ну как тут не дружить, хотя он

и старше меня?

Рассказчик Колька был потрясающий. Укатывались, когда он что-то рассказывал из своей прошлой жизни. Обыденная, казалась бы, ситуация в его переложении складывала нас в штабеля! До сих пор реально вижу, как негр отдирает от себя мальчика, его сына от первой жены, а тот орёт на весь Крещатик:

– Мамо, побач, негр! Да мамо же! Побач!

Тогда негры ещё в диковинку были. Но был и грустный рассказ. Тоже помню. Особенно концовка, от которой надолго остался горький осадок. И вопрос: «А может ты и прав?»

Я заикаюсь потому, что в одном из притоков Волги восемь часов просидел в холодной, только что освободившейся ото льда, воде. Спасли школьники, возвращавшиеся из соседнего села с уроков. Принесли бессознательного к моему деду, у которого гостил. Вместе с мамой они кое-как меня откачали, залив внутрь полстакана спирта. Пришёл в себя. Потом выжил. Но заикание осталось. Всё это произошло в пятьдесят втором году. С четырёхлетним пацаном, случайно свалившимся в воду. Которого спас размотавшийся бинт на порезанной руке, и не оторвавшийся от ивовой ветки кусок коры. Но после Колькиной истории вопрос «А может, ты и прав?» – остался. Может быть и лучше было б, если бы ни его, ни меня не было в живых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.